

СССР

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

20 " 17 1939 г.
№ 1124/5
г. МОСКВА

80 50
СОВ. СЕКРЕТНО

ЦК ВКП(б) -

Товарищу СТАЛИНУ.

При этом направляем протокол допроса
арестованного ЭЙХЕ Р.И. от 11-го апреля
1939 года, до ареста - Нарком земледелия
СССР.-

Приложение: по тексту.-

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
СОЮЗА ССР :

Л. Берия

Л. Б Е Р И Я.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

ЭЙХЕ Роберта Индриковича, -

1890 г.рождения, урож.Латвии, б.Кур-
ляндской губ.,б.член ВКП/б/ с 1905г.
До ареста - Нарком Земледелия СССР.
Ранее работал I секретарем Западно-
Сибирск.Краевого комитета ВКП/б/.
от II-го апреля 1939 года.

Вопрос: Следствие располагает данными, что вы нахо-
дились в близкой связи с Н.ЕЖОВЫМ. Насколько это соответ-
ствует действительности?

Ответ: Действительно с Н.И. ЕЖОВЫМ я был в близких
отношениях. И не только. С ЕЖОВЫМ я лично был органи-
зационно связан с февраля 1937 года по антисоветской
работе.

Вопрос: Дайте подробные показания о вашей связи
с ЕЖОВЫМ Н.И. и об обстоятельствах, при которых вы
установили эту связь?

Ответ: ЕЖОВА Николая Ивановича я лично знаю ,
примерно , с 1929-30 г., т.е. с момента, когда я начал
работать секретарем Западно-Сибирского краевого комите-
та ВКП/б/. До 1936 года с ЕЖОВЫМ я сталкивался только

- 2 -

по делам моей работы и отношения наши были официальными, деловыми.

Весной 1936 года, после болезни я выехал в отпуск, в дом отдыха "Мухалатка", в Крыму. В этот же дом вскоре после моего приезда, приехал и ЕЖОВ Н.И. со своей женой.Евгенией Соломоновной. В "Мухалатке" вместе с ЕЖОВЫМ я прожил дней 10-15.

Совместные обеды, ужины и пребывание в доме отдыха сблизили нас и наших жен. Это обстоятельство в дальнейшем послужило поводом к тому, что при моем отъезде из дома отдыха, я был приглашен ЕЖОВЫМ заходить к нему на квартиру в Москве.

В июле 1936 года я приехал из Ново-Сибирска в Москву на пленум ЦК ВКП/б/. В один из дней работы пленума, накануне выходного дня, меня разыскал ЕЖОВ Н.И. и пригласил к себе на дачу.

Я не знал места расположения дачи ЕЖОВА и поэтому ЕЖОВ дал мне свой московский адрес и предложил зайти прежде на его городскую квартиру и оттуда вместе поехать на дачу. Я так и сделал.

Придя к ЕЖОВУ на Большой Кисельный переулок часов в 9 вечера, дома у него я застал МАРЬЯСИНА, б. предс. Госбанка, УРИЦКОГО б. редактора "Крестьянской газеты" и женщину по имени Зину / фамилию ее я не знаю/. Вскоре

за мною пришла жена ЕЖОВА, Евгения Соломоновна и мы - все вместе выехали на дачу к ЕЖОВУ.

Вслед за нами на дачу под"ехали: ЕВДОКИМОВ, б. секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП/б/, ЗАКОВСКИЙ Леонид Михайлович, б. нач. УНКВД Ленинградской области и ФРИНОВСКИЙ Михаил Петрович б. зам. Наркома внутренних дел СССР.

Пробыв на даче у ЕЖОВА часов до 3-х ночи, я уехал домой. На этом вечере никаких антисоветских бесед между нами не было.

Первая антисоветская беседа с ЕЖОВЫМ у меня состоялась во второе мое посещение его квартиры осенью 1936 года.

Осенью / Октябрь-ноябрь / 1936 года в Москву я приезжал также на пленум ЦК ВКП/б/, где вновь встретился с ЕЖОВЫМ и по его приглашению пошел к нему на квартиру, в Кисельный переулок.

В этот раз у ЕЖОВА кроме его и меня были: жена ЕЖОВА, Зина и ее жених / фамилий их я не знаю/.

До ужина я с ЕЖОВЫМ сидели в его кабинете вдвоем. ЕЖОВ по личной инициативе начал со мной следующий разговор о колхозном строительстве.

ЕЖОВ спросил: " Ну, как твои колхозы в прошлом году / 1935 г./ крепко поголодали?". Я ответил: - "Голод был основательный. Далее он спросил: "Разбегаются кол-

- 4 -

хозники?" Я сказал: "Уход из колхозов большой и рабочей силы нехватает. Этот уход был-бы еще больший, если-бы в городах не было так тяжело достать жилище.

Продолжая этот разговор, ЕЖОВ начал мне рассказывать, сгущая краски, что в Московской и других областях, главным образом, нечерноземной полосы, " колхозы размываются, т.е. колхозники формально оставаясь в колхозах , обзаводятся своим единоличным хозяйством и очевидно, колхозный путь нас к социализму не приведет."

Это мнение ЕЖОВА, я со своей стороны поддержал и добавил, что такие взгляды, как мои, имеют ряд лиц, сплотившихся вокруг меня, работающих в Западной Сибири.

На этом наш разговор прервался , так как нас позвали к ужину.

Возобновилась эта беседа только в мой следующий приезд в Москву, т.е. в период февральско-мартовского пленума ЦК ВКП/б/ в 1937 году.

Разговор произошел в один из дней работы пленума в послеобеденный перерыв, в помещении президиума пленума.

Пришедший после меня, ЕЖОВ Н.И. подошел ко мне, задав пару вопросов о моем здоровье, спросил: " Ну, как твои колхозы, лучше теперь?". Я ответил, что лучше, но это непрочно и непродолжительно, так как процесс " размывания " колхозов продолжается.

Затем ЕЖОВ спросил меня: "Работу ведешь?". Этот вопрос ЕЖОВА я понял, как вопрос о моей контр-революционной работе, так как я вспомнил наш осенний разговор, но ответить сразу не хотел, обдумывая, как сказать. ЕЖОВ, заметив мое замешательство, сказал, что о моей антисоветской работе ему все известно со слов КОСИОРА Станислава Викентьевича.

С КОСИОРОМ по контр-революционной работе я был связан с 1932 года и о моей практической антисоветской работе он мною систематически информировался.

Услышав от ЕЖОВА, что ему о моей антисоветской работе известно со слов КОСИОРА я сделал для себя заключение, что они между собой связаны организационно и не стесняясь прямо ответил: организация успешно проводила подрывную работу, но в связи с отдельными арестами участников антисоветской организации, я опасаясь больших провалов.

На это ЕЖОВ мне ответил: " Работу надо и можно продолжать по прежним установкам только теперь надо быть более осмотрительным, уйти глубже в подполье". А мне лично ЕЖОВ рекомендовал поднять личный авторитет и сохранить себя и возможно большее число членов нашей антисоветской организации.

Конкретно ЕЖОВ мне сказал: "Тебе нужно активно помочь органам НКВД отсечь хвосты скомпрометированных

показаниями арестованных и другими следственными материалами. Этим ты сохранишь организацию и перед ЦК ВКП/б/ поднимешь свой авторитет, хотя тебе и теперь ЦК верит".

Эта беседа была непродолжительной и прекратилась в связи с приходом других членов Политбюро ЦК ВКП/б/.

По этим установкам ЕЖОВА я и действовал в Сибири до моего переезда в Москву на постоянную работу в Наркомзем СССР.

С ЕЖОВЫМ до переезда в Москву, т.е. до октября 1937 года, я не встречался.

Вновь с ЕЖОВЫМ я встретился на октябрьском пленуме ЦК ВКП/б/ в 1937 году. Встреча произошла при следующих обстоятельствах.

Последний раз ЕЖОВА я видел у него на квартире / он жил тогда уже в Кремле / 23 или 29 ноября 1937 года. Эта встреча произошла по инициативе жены ЕЖОВА, с которой я был в театре и проводив ее домой, остался ужинать.

На квартире ЕЖОВА в этот вечер были: я, жена ЕЖОВА - Евгения Соломоновна, указанная выше Зина, а после подошел и сам ЕЖОВ. Разговоров между мною и ЕЖОВЫМ не было. Он был плохо настроен и сидел молча. Быстро поужинав, я ушел домой.

Продумав изменившееся, сдержанное отношение ко мне ЕЖОВА, я пришел к заключению, что отношения ко мне ЕЖОВА изменились в связи с арестом МЕЖЛАУКА, с которым

- 7 -

я ранее был организационно связан по нашей антисоветской работе и внешне также был близок. Арест МЕЖЛАУКА компрометировал меня, я таким образом, посещая ЕЖОВУ, мог в свою очередь компрометировать его.

Это мое мнение усилилось и превратилось в уверенность после того, как в ЦК ВКП/б/ мне было сообщено, в присутствии ЕЖОВА, об аресте МЕЖЛАУКА и о предательстве некоторых латышей.

Учитывая все это я и пришел к твердому убеждению, что ЕЖОВ решил оборвать нашу связь.

Более того, будучи уже арестованным, в процессе следствия по моему делу я заключил, что ЕЖОВ стремился к быстрейшему и окончательному избавлению от меня.

Вопрос: Почему вы пришли к такому заключению?

Ответ: 2 Мая 1938 года после моего ареста на имя Народного Комиссара Внутренних дел СССР я написал заявление о моей организационной, антисоветской связи с КОСИОРОМ Stanisлавом Викентьевичем.

В этот же день в присутствии моих следователей УШАКОВА и НИКОЛАЕВА я был вызван на допрос к ЕЖОВУ. Допрос продолжался не более 3-5 минут и сводился к вопросу со стороны ЕЖОВА - не говорю-ли я лишнего.

В течение 15-20 дней я давал показания о моей контр-революционной работе в Западно-Сибирском крае.

По истечении 15-20 дневного срока, когда я уже подписал мой основной протокол допроса, совершенно неожиданно для меня, от меня следователь УШАКОВ стал требовать показания о подготовке мною террористического акта против ЕЖОВА.

В процессе следствия я правдиво дал показания, что являясь руководителем антисоветской организации, существовавшей в Западно-Сибирском крае, я дал указание о подготовке террористического акта против Л.М.КАГАНОВИЧА, приезжавшего в Западно-Сибирский край в 1936 году.

Однако, о терроре против ЕЖОВА Н.И. я никогда не помышлял, так как с ним, ЕЖОВЫМ, я лично был связан как указал выше, по антисоветской работе.

Следователи УШАКОВ и НИКОЛАЕВ настойчиво требовали от меня показаний о терроре против ЕЖОВА.

В начале УШАКОВ задал мне вопрос - какую работу я вел против ЕЖОВА? Я пытался доказать несущественность этого обвинения. Тогда УШАКОВ избил меня, повредив при этом мне правую руку и сказал, что я - террорист и намеревался совершить террористический акт против ЕЖОВА, как наркома внутренних дел. Отправляя в камеру, УШАКОВ мне заявил, что в камере я должен буду написать заявление о том, что я подготовлял террористический акт против ЕЖОВА. При этом УШАКОВ пригрозил жестокими репрессиями в случае, если я не напишу такого заявления.

Я, конечно, понял, что хочет от меня УШАКОВ и расценил это, как выполнение указаний ЕЖОВА. Я пришел к заключению, что ЕЖОВ опасался, что я могу дать показания и о его вражеской работе, поэтому и распорядился получить от меня показания о терроре, намереваясь таким образом гарантировать себя от провала.

Я боялся дать показания о моей контр-революционной связи с ЕЖОВЫМ, боялся также расправы над собою, поэтому я написал вымышленное заявление что я, якобы, намеревался совершить террористический акт над ЕЖОВЫМ.

Поскольку это заявление было вымышленным, я естественно, написал его неполным, неясным, указав, что террористический акт я намеревался совершить в день моего посещения квартиры ЕЖОВА в ноябре 1937 года.

В связи с этим заявлением ЕЖОВЫМ я не вызывался, не вызывался и УШАКОВЫМ, но зато вызвал меня НИКОЛАЕВ и потребовал от меня уточнений. Я путался, не зная, что ответить. НИКОЛАЕВ мне помог, он спросил - с каким я оружием приходил к ЕЖОВУ, как я сидел за столом и проч. После этого и НИКОЛАЕВ меня не вызывал, но вызывал меня секретарь НИКОЛАЕВА - ПРОКОФЬЕВ. ПРОКОФЬЕВ предложил мне уже готовый, отпечатанный текст, якобы, моего заявления и сказал, чтобы я его переписал, как собственноручные показания.

- 10 -

Побоявшись возразить на незаконность таких действий со стороны НИКОЛАЕВА и его секретаря ПРОКОФЬЕВА - я предложенный мне печатный текст, якобы, моего заявления, взял, переписал и подписал.

В этом заявлении о терроре против ЕЖОВА я указал, что террористический акт я намеревался совершить в ноябре 1937 года, т.е. в тот день, когда я в квартиру ЕЖОВА пришел, проводив его жену из театра.

Протокол с моих слов записан правильно и мною прочитан.

ЭЙХЕ.

ДОПРОСИЛ:

Ст.следователь Следчасти НКВД СССР -
Лейтенант Государств.Безопасности:

/ РАДЧЕНКО /.

Верно: